

Пролог

12 июля

17.57, 9-й километр Ярославского шоссе

«Нива» ходко шла по полупустому Ярославскому шоссе. В другое время Виктор Скрепов, водитель со стажем, только бы порадовался на такую нечастую в последние годы авто-свободу. Но это в другое время.

Потому что сейчас Скрепер был собран и четок, как никогда.

Кликуху, кстати, он поимел не только по сходству с фамилией. А скорее по сходству с неким самоходным агрегатом, умеющим аккуратно закатывать дорожное полотно. Те, кто хорошо знал Виктора, могли бы даже скаламбурить насчет аккуратного закатывания в дорожное полотно – такой опыт в непростой профессиональной деятельности бывшего инженера-строителя тоже имелся.

Конечно, уже в далеком прошлом. Там же остались и многочисленные «стрелки», нередко заканчивавшиеся перестрелками. Там же навсегда осталось подавляющее большинство тех, кто знал про Виктора Скрепова существенно больше того, чем ему бы хотелось.

В новой своей жизни Скрепер был бизнесмен. Ну, или почти бизнесмен. Потому что старые дрожжи просто так не перезаквасишь. И когда выпадал бизнес-случай применить некие не до конца забытые навыки, они применялись.

Разумеется, Скрепер в такие моменты даже в Москве не оставался – мало ли дел за границей у человека, уже и средний бизнес потихоньку перераставшего?

Дела делались через две, а то и три промежуточные «прокладки», и тот, кто нажимал на курок, понятия не имел о том, кто, сидя на верхушке пирамиды, дергал за ниточки.

И вот – на тебе. Скрепер едет на дело самолично, за поясом джинсов – древний, но ухоженный «наган», когда-то вороненый, а сейчас грязно-серый. В тяжелых случаях консервативный Виктор всегда отдавал ему предпочтение, считая, что даже одна-единственная осечка в жизни способна жизни и лишит. Простая же конструкция старого револьвера практически гарантировала от осечек.

И ладно бы только «наган»! В машине имелся полный джентльменский набор: от героина до пластита. Не дай бог, ДТП, поехал Скрепер, никакие наработанные за опасные годы связи не помогут. Особенно со взрывчаткой, черт бы ее побрал!

Скрепер спиной чувствовал чудовищную скрытую мощь, притаившуюся в невзрачном сероватом веществе, похожем на пластилин. Эх, подальше бы от него!

Но в деле, которое предстояло буквально через 30–40 минут, ни на кого положиться нельзя. Все нужно делать самому, чтобы потом мучительно не пожалеть о допущенных чужими людьми ошибках.

Мучительно в прямом смысле слова. Виктор аж зубами скрипнул, на мгновение представив, что бы с ним сделал Али, будь у него такая возможность.

Вот и не надо ему такую возможность давать!

Виктор, напряженно взглядывавшийся в даль, наконец позволил себе чуть расслабиться. Впереди на обочине, несомненно, стоял Пашка. Выражения лица видно еще не было, но Скрепер и так его прекрасно представлял: Пашке постоянно было весело. И в Афганистане, где они впервые встретились, и здесь, в России, невзирая на окружавшие жизненные реалии. Он даже в палате улыбался, все четыре месяца, что решались немаловажные для Паши вопросы: сначала – будет ли жить, потом – с ногами или без. Остался и живой, и с ногами. И с улыбкой, понятное дело. Хотя эта его улыбка порой заставляла Скрепера усомниться в состоянии мозгов младшего компаньона.

– Здорово, Скрепер! – втиснулся в салон Пашка. Знает ведь, что Скрепов терпеть не может, когда вслух поминают его бандитское погоняло, но каждый раз зовет его только так. Ладно, хоть не прилюдно. – Ты сегодня не на «Крузере», – не унимался Пашка. – Может, и «наган» в карман положил? – точно угадал он.

– Не мели, – оборвал Скрепов. – Забыл, куда едем?

– Почему забыл? – широко улыбнулся компаньон. – Очень хорошо помню. Мы с тобой как последние самураи. Романтика, блин!

– Заткнись! – уже со злобой сказал Скрепер. – И делай свое дело.

Пашка обиженно замолчал, начал возню с пультом и своей чертовой электроникой. А Скрепер вдруг подумал, что сегодняшней инцидент и в самом деле должен стать последним. Финальным проявлением той идиотской романтики, на которую его потянуло пятнадцать лет назад. Казалось, так круто быть хозяином жизни, подминая ее собственными ногами. И еще тогда казалось, что эту прорвавшуюся изнутри силу не остановит никто.

Но не так уж много утекло воды, а большинство вчерашних хозяев жизни тихо возлегли под ставшими еще одним стандартом нового времени огромными, в человеческий рост, мраморными надгробиями.

Не все, конечно. Многие топчут зоны. И лишь малой части крутых удалось стать бизнесменами. «Да и тех все равно тянет в “романтику”», – зло подумал Скрепер. Хотя сам понимал, что отказаться от выпавшей возможности все равно бы не смог.

– Не переживай, – опять прочел его мысли Пашка. – Маркс говорил, что нормальный буржуй за пятьдесят процентов годовых маманю свою кокнет. А здесь сколько годовых?

– Маманю кокнуть безопаснее будет, – буркнул Скрепер, мать даже не помнивший.

– Это точно! – заржав, согласился Пашка. И тут же заорал: – Тормози, съезд проскочишь!

И действительно, вправо вела узкая асфальтированная дорога.

12 июля

18.22, 27 километров северо-восточнее Москвы

Со стороны – ни дать ни взять пикничок. Машинка поодаль стоит, непростая, но и не навороченная излишне – «Икс-Трэйл» ниссановский. Так себе вездеход, но по сухой грунтовке на эту полянку дочапал легко.

Костерчик уже разгорелся, на расстеленном полиэтилене – снедь нехитрая, однако на свежем лесном воздухе, да еще под коньячок – весьма приятная. Нестандартно, пожалуй, что девушки отсутствуют. Пара мужичков явно не «голубой» внешности имеется, а девушек нет. Может, отошли куда.

– Ну, где ж они? Лишнего прожить хотят? – с характерным акцентом, выговаривая букву «и» после «ж», произнес тот, что помладше.

Старший, подкладываявший полешко в костер, не ответил.

– Может, сорвалось что? – вновь не выдержал молодой.

– Аллах не допустит, – спокойно ответил второй. – Ты же знаешь, что делается. Последнее дело – и уходим. Успокойся, брат.

Молодой пристыженно замолчал. Но ненадолго:

– А зачем с ними разговоры говорить? Может, замочить сразу, и дело с концом?

– А если у них товар не с собой? – мягко возразил старший. – А если прикрытие сзади? Нет, сразу нельзя.

– Спокойный ты человек, Али, – со вздохом сказал младший.

– Ты тоже станешь спокойным, брат, – улыбнулся тот. И уже без улыбки добавил: – Если, конечно, по нервности не умрешь.

Вдали послышался шум приближающейся машины.

- Все, базар окончен, – сразу подобрался Али. – Следи за мной, ничего сам не делай.
- Да, конечно, – согласился заметно побледневший боец.
- Стрелять только по команде.
- Да, – подтвердил молодой. Вряд ли ему было больше двадцати.

12 июля

18.25, 27 километров северо-восточнее Москвы

«Нива» уже давно съехала с асфальта и бодро катила по грунтовке.

– Слушай, а может, их сразу замочить? – широко улыбаясь, предложил Пашка. – Подъехали, остановились – и бабах! Их же там двое.

– Там – двое, – согласился Скрепер. – Так мы договорились. И еще машина за нами. Сколько в ней, не знаю.

– Я ее тоже на повороте заметил. Но она ведь остановилась.

– Правильно. Наше прикрытие ждет. А может, нас, на обратном пути.

– А почему ты знаешь, что Али человек десять еще на полянке не припас? Щас как вмажут залпом!

– Не вмажут. Во-первых, нет у него десяти человек, – нехотя ответил Скрепер. – Трудные у них времена, разве не слышал?

Пашка широко улыбнулся:

– А во-вторых?

– Во-вторых, он должен убедиться, что товар с нами. И уже только после этого попытаться нас пришить.

«Нива» въехала на поляну и остановилась метрах в пятнадцати от костра. Али спокойно встал и пошел к гостям.

– Может, съедите чего-нибудь? – предложил он Скреперу и Пашке. Молодой оставался у «Икс-Трэйла». Его руки были пусты.

– В следующий раз, – откровенно невежливо отказался Скрепер. И добавил, закрывая тему: – Я не доверяю тебе, Али.

– Почему же? – мягко улыбнулся тот.

– Потому что в «Ниссане» третий, а мы договаривались только о двоих.

– Там мой сын, – дрогнув веком, объяснил Али. – Мы сразу уедем отсюда, вот я его и забрал. Ему нет четырнадцати.

– Давай его сюда, – твердо сказал Скрепер. – А то сделки не будет. И чтоб я его руки видел. На спуск можно и в двенадцать нажать.

– Хорошо, – закаменел Али. – Не нервничай. Руслан, иди сюда! – крикнул он.

Человек, действительно при ближайшем рассмотрении оказавшийся худощавым мальчишкой, явно поднялся с пола машины и через несколько секунд был рядом с «Нивой».

– Ты доволен? – спросил Али.

– Просто счастлив, – сухо ответил Скрепер. – Покажи деньги.

– Вот ведь Голливуд, – усмехнулся чеченец. – А ты покажи порошок и пластик.

– Короче, без фокусов, – предложил Виктор. – И пусть твой сын в «Ниве» посидит, раз о нем не договаривались.

– Пусть посидит, – спокойно согласился тот.

Диспозиция на некоторое время определилась. Руслан оставался в машине с Пашкой, который, не особо скрываясь, держал под прицелом и пацана, и его папашу. Молодой боец стоял у «Икс-Трэйла», куда Скрепер одну за другой перенес из «Нивы» большие запаянные банки из темного акрилового стекла. Его сопровождал Али, внимательно осматривая груз.

– Все, – наконец сказал Скрепер. – Теперь ты отдаешь деньги, а я – последние два бидона. Один с порошком, второй – сам знаешь с чем.

– А вслух сказать стесняешься? – внезапно ощерился Али. – Может, я ее завтра у твоего дома использую?

– Мне плевать, где ты ее используешь, – теперь уже мягче вел себя Скрепер. – Это – бизнес, и больше я ничего знать не хочу. Последний бидон с порошком открыт, можешь попробовать качество.

– А может, первые банки откроем? – спросил Али, пристально вглядываясь в лицо Скрепера.

– Конечно, открывай, – спокойно ответил Скрепов. – Это твой товар. Но они запаяны.

Али, подумав, первые банки открывать не стал, ограничился бидоном. Взяв на кончик ножа малую толику порошка, попробовал его языком.

– Откуда такой? – удовлетворенно спросил он.

– Коммерческая тайна, – весело ответил из машины Пашка.

Али ухмыльнулся и открыл бидон с пластитом. Потрогал пальцем и тоже зачем-то понюхал. Потом положил, как и прочее, в «Ниссан».

Скрепер в это время внимательно изучал содержимое толстого «дипломата», переданного ему чеченцем. Он вытащил три пачки из разных мест чемодана, вскрыв облатку, достал по банкноте и, осмотрев, быстро проверил их на хруст и на ощупь.

– Удовлетворен? – спросил Али.

– Вскрытие покажет, – пробормотал Скрепер, пряча обратно деньги. Чемоданчик он закинул в опустевший багажник «Нивы». – Расходимся?

– Я не против, – улыбнулся Али. – Сына верни.

– Как только мимо твоих бойцов к нашему прикрытие проедем, сразу верну, – сказал Скрепер. – Он мне не нужен.

В этот момент зажужжал микрофон от мобильного. Али что-то коротко сказал почеченски.

– Вот что, Виктор, – перешел он на русский. – Ты, конечно, парень смелый. Но никакого прикрытия у тебя нет.

– А твой сын? – заржал из машины Пашка.

– Вот только мой сын, – согласился Али. – Короче, проезжаешь моих ребят, возвращаешь сына и едешь куда хочешь. И не встречайся мне больше никогда, ладно?

– Ладно, – не стал спорить Скрепер, садясь в машину и заводя двигатель. – Вариант номер один, – шепнул Виктор Пашке.

– Действуй, босс! – заржал тот, и «Нива», взыв мотором, рванула. Но вовсе не к выезду с полянки, где на грунтовке ждали чеченцы в мощном «Мерседесе», а наоборот, к ее краю, заросшему густыми ивовыми кустами. Пробив кусты и спрыгнув с невысокого – меньше метра – и пологого откоса, она уверенно пересекала неглубокую речушку.

Опешивший Али потерял две секунды, прежде чем рванул к своему «Икс-Трэйлу». Почти одновременно на полянку ворвался «мерс» с бойцами Али.

– Не стреляйте! – закричал им чеченец, опасавшийся за подростка.

А Скрепов, заранее обследовавший не слишком топкие берега речки, уже карабкался на пониженной передаче по другую ее сторону.

«Икс-Трэйл», принявший двоих автоматчиков из «Мерседеса», помчался по следу «Нивы», но преимущество в этой гонке было не на его стороне.

На бездорожье отрыв увеличивался, и в конце концов импортный «паркетник» просто забуксовал на мокром глинистом склоне. «Нива» же, уверенно его преодолев, остановилась наверху, метрах в трехстах от беспомощных преследователей. Те даже стрелять не могли, опасаясь попасть в сына Али.

– Ну? – непонятно кого и непонятно о чем спросил Скрепер.

– А чего ты остановился? – вопросом на вопрос ответил Пашка. Мальчик молчал, сидя на заднем сиденье и ненавидяще смотря на своих похитителей. – А с парнем его нам повезло. Нежданный подарок, как говорится. Хотя и так бы ушли. Все просчитано.

– Ну? – повторил Скрепер.

– Что – ну? – разозлился Пашка. – Не знаю. Я все делал как надо. Поехали. Дело сделано, а своих ты вывез.

Это было верно. Семья Скрепера – жена и две дочери – час назад улетели из Шереметьева-2. И в самом деле, все просчитано.

– Ладно, отпускай парня, и рванули! – не выдержал паузы Пашка. – Чего стоим? Чеченов не видел?

– Сейчас поедем, – сказал Скрепер. Он тоже видел, что из «Икс-Трэйла», застрявшего внизу, вылез Али с автоматом. С него станется вклепить очередь! Джихад важнее сына.

Скрепер продернул «Ниву» на несколько метров вперед, выводя ее с линии прямого выстрела, и вновь остановился.

– Может, хватит понтоваться? – так и не понял его намерений Пашка. – Выкидываем этого, – показал он на Руслана, – и газуем.

– Ждем еще минуту, – спокойно сказал Скрепер.

Но минуту ждать не пришлось. Потому что снизу докатился не только грохот мощнейшего взрыва, но и яркий сполох бело-желтого цвета.

– Я же говорил, швейцарские часы! – возликовал Пашка. – Они не подведут! Ну разве на пару минут задержатся.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Скрепер. – Теперь все меняется. – И он посмотрел на мальчика.

Тот, сразу поняв, не заплакал, не попросил пощады, а, разогнувшись, мгновенно выбросил вперед, к шее Скрепера, руку с зажатым в ней маленьким ножом. И быть бы Скреперу покойником, если бы он не ждал этого движения. Мощный «наган» дважды бухнул, мальчишку, как щепку, отбросило на дверцу.

– Черт! – выругался Скрепер. В его планы не входило портить машину. – Выкинь его!

Пашка зашел с другой стороны и, с трудом открыв поврежденную пулей дверь, вытащил тело за подмышки.

– Что с ним делать? – недовольно спросил он.

– Скинь вниз, – приказал Скрепер.

Пашка подошел к краю склона, там, где покруче, и изо всех сил оттолкнул труп от себя. Тело сначала полетело, потом покатилося по земле.

А в самом низу догорали бесформенные остатки того, что совсем недавно было автомобилем и четырьмя людьми.

И кстати, не только внизу: Пашка брезгливо обошел повисшую на ветке то ли тряпку, то ли частицу человеческой плоти.

Уже в машине, на ходу, спросил у Скрепера:

– Зачем надо было ждать?

– Если б твоя электроника не сработала, я бы взял щенка с собой.

– Зачем?

– Сам подумай.

Думать Пашке, как всегда, не хотелось, и он замолчал.

– Что с порошком делать будем? – после паузы спросил он. Покойный Али никогда уже не узнает, что купил «куклу» – настоящий героин был только в открытом бидончике, и то сверху. Но процесс был взаимный: чеченец вовсе не собирался отдавать свои доллары насовсем – бойцы из «Мерседеса» должны были вернуть их в казну джихада.

- Я подумаю, – отрывисто ответил Скрепер.
  - А я уже не в счет? – обиженно спросил Пашка.
  - Пока еще в счет, – с угрозой ответил Виктор.
- Они опять надолго замолчали.

Через полтора часа, успешно миновав все милицейские посты – салон оказался прилично закровавлен, да и два миллиона долларов – необычная вещь в «Ниве»-вездеходе, – подъехали к схрону. Старая заброшенная котельная была для этого идеальным местом. Прилегающие дома уже давно разрушили и мусор свезли на помойку, вот-вот начнется строительство гипермаркета (Скрепер тоже имеет здесь небольшой подряд, потому и ключ есть от ворот будущей стройплощадки и дверей котельной), а котельную все никак не снесут. Уже и оборудования-то почти нету, а строение стоит.

Впрочем, Скреперу действующая котельная и не нужна. Ему котел нужен. И чтоб топка большая.

Пашка развел огонь – сухие дрова были заранее припасены, а уголь остался со старых времен, – туда побросали окровавленные чехлы с сидений и Пашкину, тоже испачканную, куртку. Пламя гудело, тяга была отличная, рассчитанная на серьезную работу.

Пашка, стоявший между Скрепером и огненной дырой, вдруг посуровел: с этой топкой у него были связаны не очень приятные воспоминания. Ведь, как говорят менты, нету тела – нету дела. И от тел избавлялись любыми доступными способами.

– Так что с порошком будем делать? – отвлекся от нерадостных мыслей Пашка. Его опасения были понятны. Если у Али остались люди – а они наверняка остались, – серьезно торговать здесь нельзя. Все равно выйдут на источник.

– Это мое дело, – откровенно грубо ответил Скрепер. – Я и решу. – Он говорил с каким-то непонятным ожесточением, как будто на Пашку за что-то обиженный.

– А я что, уже не при делах? – теперь разозлясь всерьез, спросил Пашка.

– Уже нет, – сказал Скрепер.

Пашка мгновенно развернулся, и впервые за годы знакомства Скрепов не обнаружил на его лице улыбки. Развернуться успел, а вот больше ничего сделать не смог. Потому что «наган» в руке Скрепера дважды выбросил пламя, и мощные остроносые пули не оставили Пашке никаких шансов.

Скрепов сел прямо на кучу угля и некоторое время глядел в огонь, лишь слегка прикрыв глаза рукой, державшей оружие. Потом вздохнул, подошел к бывшему компаньону, тщательно обыскал одежду. Все документы бросил в топку. Потом туда же полетела одежда. А потом и сам Пашка – пышущее жаром чрево было более чем вместительное, пришлось только угля добавить, предварительно обработанного керосином.

Последним в пламя ушел «наган». За пару часов – на столько должно хватить угля – не останется следов не только от Пашки, но даже от оружейной стали.

Уходя, Скрепов обернулся на яростно гудящий огонь.

Нет, конечно, никакой радости от содеянного он не испытывал. Но ведь два миллиона нельзя и сравнить с одним миллионом. Это даже не на пятьдесят, а на все сто процентов больше.

Да и матью Скрепера Пашка никогда не был...

Глава 1

Москва, 15 июля

В пробег уходят настоящие мужчины...

Мороженое называлось «Стратиачелло». В России почему-то такого не было. Руки еще, наверное, не дошли. Казино были, причем числом поболее, чем в Монте-Карло. «Мерседесы» тоже были, уличной своей концентрацией намного превышая берлинскую или дюссельдорфскую. А вот «Стратиачелло» пока не было.

Суть этого изыска заключалась в том, что и в без того вкуснейший нежирный белый пломбир ровным слоем внедрялись крошечные шарики черного шоколада. И эта смесь даже без помощи зубов божественно таяла во рту, оставляя после себя воистину изумительное ощущение.

Но и это еще не все. Прелесть «Стратиачелло» утраивалась, если вкушать его, во-первых, в июльскую испанскую жару, когда в тени не менее 35 по Цельсию, и, во-вторых, порциями опять же не менее 400 граммов.

Вот такую замечательную порцию Ефиму как раз и приготовились сейчас создать. Девушка-продавщица, укротив высоким белым колпаком обрамлявшие лицо кудряшки, уже и стакан пластиковый взяла, объемом соответствующий Ефимовым вожделениям. Не стакан – стаканище! Уже ложку длинную в теплую воду окунула, чтоб мороженое легче из бачка зачерпывать.

Береславский не выдержал и хищно облизнулся в предвкушении.

Однако полакомиться не пришлось.

Потому что Наташа, жена, нежно, но настойчиво потрепала его по объемистой теплой со сна щеке:

– Ефимчик, милый, тебе пора!

– Куда? – без особой надежды попытался отбиться Береславский, ибо просыпающимся своим сознанием уже отчасти понимал – куда. Нет, не в Испанию с ее ласковым морем, 35 по Цельсию и целыми тележками «Стратиачелло». А совсем в другую сторону. Ровно в обратную. И в два раза дальше. И, что самое печальное, не на самолете.

У пока еще не снесенной гостиницы «Россия» в такой ранний час собрались только те, кому следовало. Пять кричаще пестрых – ярко-желтых и ярко-голубых – длиннобазных «Нив-2131», человек пятнадцать в дорожных куртках такой же расцветки и вдвое больше народу – сочувствующих.

Шум, галдеж, вспышки любительских камер.

Впрочем, не только любительских. Среди провожавших были две команды с телеканалов. Не центральных, чего уж там. Но тоже вполне достойных, московских дециметровых.

– Ефим Аркадьевич, а как вам пришла в голову идея организовать пробег? – Маленькая глазастенькая девушка чуть не в рот засунула надутому и слегка сонному Береславскому микрофон.

«Сказать ей, что ли?» – про себя ухмыльнулся Береславский. Но вслух забористо порассуждал о необходимости продвижения в регионы современных рекламных и PR-технологий.

Ну не объяснишь же девушке – а заодно еще паре миллионов граждан, – что поперся в этот чертов пробег из-за обычного тупого – если не сказать примитивного – мужицкого хвастовства! Сидели на тусовке, выделялись перед симпатичной девицей. Выделялись не из расчета – никто на нее особых планов не строил, – а просто так, от любви к искусству. Вовка – своей действительно крутой фирмой. Олег – спортивным телосложением и про-

никновением в йогу. А Ефим, который не обладал ни миллионами, ни мускулатурой (но в гендерно-конкурентных условиях промолчать просто не мог), возьми да брякни, что летом организует автопробег Москва – Владивосток.

В итоге – тактически победил: девица сочла пробег романтичным, вполне затмившим и миллион баксов за два удачных месяца, и накачанные мышцы, полученные в придачу к нирване.

А вот стратегически...

Звон пошел сразу – рекламное сообщество относительно небольшое и по определению коммуникативное. И к лету, когда все нормальные люди едут в теплые страны и едят «Стратиацелло», Ефиму предстоял как минимум месяц на колесах. Потому что страна большая, и до Владивостока путь неблизкий. Особенно если преодолевать его не на любимом «Ниссане Патрол», а на демократичнейшей «Ниве».

(Здесь уже настояли опытные друзья, поддержавшие идею пробега. Они разумно предположили, что лучше ехать на пяти «Нивах», везя шестую в разобранном виде в багажниках, и чинить многочисленные поломки, чем оставить гнить где-нибудь в Забайкалье крутой иностранный джип из-за отсутствия маленькой, невиданной в этих местах запчастей.)

Водители уже запустили двигатели, в воздухе пахло бензиновым дымком странствий. А Ефим, временно оставшийся без общественного внимания, печально думал о том, что за последние сорок лет его язык так и не стал продолжением его сознания: уж слишком часто эти важные Ефимовы органы действовали совершенно автономно. И поездка длиной в 9200 км была еще не худшим вариантом подобной несогласованности.

– Сыночек, может, передумаешь? – на всякий случай спросила пришедшая проводить Ефима мама, тоже, впрочем, без особой надежды.

Ефим даже отвечать не стал. Ясный пень, что сболтнул не по делу. Но «за базар» – есть ныне у российской интеллигенции такая лексическая единица – отвечать все равно нужно. Здесь у Береславского имелись совершенно незыблемые понятия.

Наташка тоже подошла, поцеловала мужа и как-то по-особому, ревниво его осмотрела.

– Встречать будут как героев? – с подковыркой спросила она. – В воздух чепчики бросать?..

– Посмотрим, – неопределенно ответил супруг, слегка – и подозрительно, на взгляд Натальи, – оживившись.

Она даже пожалела, что высказалась: теперь все равно ничего не изменить, только переживать будешь больше. Кроме того, в этой семье высоко чтился принцип презумпции невиновности, равно как и народная мудрость «Не пойман – не вор».

А самое главное: Наталья больше всего хотела, чтобы Ефим уже поскорее вернулся.

Да, есть в ее любимом кое-какие недостатки, ну да кто ж их не имеет? Лучше уж любимый с недостатками, чем нелюбимый с достоинствами.

Тем временем солнце выбралось из туч и всю засверкало на колокольнях кремлевских соборов, на стеклах домов и хrome начищенных «Нив». Теперь, при ближайшем рассмотрении, было видно, что все они – разного цвета, просто одинаково задекорированы виниловой пленкой.

– По машинам! – зычно заорал Василий, командир экипажа № 1, здоровенный, налысо постриженный детина. По общей договоренности в ездовых условиях лидером пробега будет он.

Народ в сине-желтых куртках обменялся с провожающими прощальными поцелуями и забрался в «Нивы».

Порыкивая, они стали выруливать на проезжую часть. Передняя прокатилась вперед, дождалась остальных, и уже походным порядком колонна двинулась на восток.

* * *

Где-то к 20-му километру, когда Горьковское шоссе втекло в Балашиху, начали отста-
вать самые стойкие провожающие, те, кто был на своих машинах. Вот и Наталья, послав
мужу воздушный поцелуй, мокрыми глазами, уже безо всяких укоров, глянула в последний
раз на бесценного супруга и, включив поворотник, ушла на разворот.

К Купавне пятерка попугаистых «Нив» подъезжала в гордом одиночестве.

А проехав Ногинск, Ефим, к этому времени окончательно расхотевший спать, вдруг
ощутил, что его идея может оказаться не столь уж и неудачной: чувство дороги всегда вызы-
вало в нем душевный подъем. А тут – такая дорога!

Он потянулся к рации, чтобы поделиться своими ощущениями со всеми. Но не успел.
Потому что из хрипато-го динамика чьим-то неузнаваемым голосом донеслось:

– Ребята! Неужели мы едем?!

И разными голосами, перебивая друг друга:

– Едем, мужики! Едем!

– Красота-то какая!

– Вот здорово!

И – чуть запоздалое, как стон души:

– Вырвались!!!

А потом уж и совсем хором:

– Ур-р-р-а-а-а!!!

Глава 2

Москва, 13 июля

Из дневника Самурая (запись первая)

Сегодня была забавная история, которая, впрочем, уже не раз повторялась в прошлом, из-за чего потеряла изрядную толику своей забавности.

Мент на Ярославском вокзале смотрел на меня и мучился: то ли я жертва современной черты оседлости (и тогда он просто обязан был ошкурить инородца рублей на сто), то ли дипломат из почти дружественной Японии или совсем уже дружественной Северной Кореи.

Работа мысли столь явно отражалась на его старшесержантском лице, что я решил ему помочь, пока у бедняги не расплавились мозги. Я поправил очки, потрогал узел галстука и улыбнулся товарищу старшему сержанту улыбкой человека, абсолютно довольного окружающей действительностью.

Такой улыбки точно не могло быть у мигранта без регистрации, и мент – пусть даже упустивший «сотку», но вновь обретший ощущение утерянной было реальности – тоже успокоенно улыбнулся в ответ. В конце концов, я был явно не последней его «соткой»: на одном только Ярославском вокзале бродили тысячи людей, главным уделом которых, по мнению ментов, конечно, было повышение жизненного уровня работников правоохранительных органов.

А я прошел дальше, в очередной раз защищенный своей японско-северокорейской внешностью.

На самом-то деле по национальности я – ...

Нет, пожалуй, даже в дневнике не буду указывать деталей, которые могут помешать делу всей моей жизни. Скажем так: самая близкая к моей народность – нанайцы. Но мой народ мал даже по сравнению с нанайским. Он так мал, что вот-вот совсем кончится, и это – главная печаль моей жизни.

Мы даже имена свои потеряли.

Меня, например, зовут Владимир Александрович Черкашин. А моего папу – Александр Глебович Черкашин. Дедушку, естественно, никогда не звали Глебом, но, видно, что-то было в его имени созвучное.

Дедов обоих своих я никогда не видел, потому что мои почти нанайские сородичи нечасто переходят черту в 40–45 лет, а если и доживают до внуков, то опять-таки видят их крайне редко, потому как внуки приобщаются к цивилизации в отрыве от домашней «дикости», иначе говоря, в интернатах. Выходят они оттуда, уже не принадлежащие ни к какому народу: до среднероссийского образования им еще очень далеко, а родные корни за десять долгих лет теряются безвозвратно.

Я знаю все это по себе. По возвращении из интерната в родимую сторону мне безумно не хватало самых обычных вещей. Например, теплого ватерклозета со смывом.

Но ведь до семилетнего возраста я не ощущал никаких проблем от его отсутствия! И если б не моя длительная «командировка» в так называемую цивилизацию, то никогда бы и не ощутил.

Кстати, о ватерклозетах. Наш, интернатский, так же отличался от таежного, как средний советско-гостиничный от интернатского. И что-то мне подсказывает, что сортир в каком-нибудь многозвездном отеле в Монте-Карло может столь же разительно отличаться от отечественного среднегостиничного. Но ведь это не значит, что живущие в наших гостиницах – нецивилизованные люди и их надо срочно отесывать, оторвав лет на десять от семьи в монтекарловский интернат.

А если серьезно, в тайге мне не хватает не только клозета. Мне не хватает книг, которые привозят крайне редко из-за почти полного отсутствия читателей. Мне не хватает телевизора, по которому я с огромным наслаждением смотрю фильмы о природе как нашей, так и совсем далеких стран. Мне не хватает театра, в котором я так захватывающе проживал десятки чужих жизней.

В общем, мне много чего не хватает в тайге.

Но именно в тайге мой дом. И именно здесь я проживаю *свою* жизнь, а не чужую, как в интернате или в театре.

Я сейчас пишу эти строки в маленьком гостиничном номере. Мысль о дневнике возникла вчера. Решил не откладывать дела в долгий ящик. Купил тетрадку с железными кольцами и вот начал. На самом деле плохо начал – с вокзального мента. Как будто в Москве больше не о чем писать.

Так что немедленно исправлю ошибку и оправдаюсь перед Москвой и москвичами.

Этот город – самый красивый из всех, которые я видел. Даже красивее эстетского – изначально, по факту рождения – архитектурного артефакта Питера. Сумасшедшая радость закрученных маковок Василия Блаженного, беспорядочных, но веселых нагромождений Замоскворечья или маленьких разноцветных домиков Заставы Ильича очень близка моему туземному восприятию жизни.

Москва – это город-праздник. И люди здесь в большинстве своем соответствуют своему городу.

Хотя, конечно, это не относится к контингенту, в котором я по преимуществу вынужден вращаться.

Ладно, я подошел к главному. И для чего дневник завел, и для чего жизнь живу.

Я решил спасти свой народ. Всего-навсего.

Оградить его от всех смертельных опасностей, включая цивилизацию. Задача достаточно безумная, чтобы быть решаемой. Но меня всегда тянуло к плохо решаемым задачам. И я обожаю тост бывших советских диссидентов, которые поднимали бокал «за успех нашего безнадежного дела».

Короче, я хочу создать резервацию для... пусть пока будут нанайцы. Если дело удастся, на последней странице дневника я напишу настоящее имя своего народа.

Слово «резервация» вызывает у всех моих партнеров по переговорам – назовем их так – священный испуг. И я их, конечно, понимаю.

Им с детства внушали про ужасных америкосов, у которых вместо сердца – доллар и которые сначала убивали бедных индейцев из пушек и ружей, а сейчас добивают алкоголем и табаком в концлагерях-резервациях.

На самом деле это не совсем так. То есть первая половина рассказа абсолютно верна: везде те, кто был сильнее, освобождали себе жизненные пространства, уничтожая более слабых. Североамериканцы убивали команчей и чероки, испанцы уничтожили инков и майя.

Мой хороший друг Ефим Береславский рассказывал про памятник, который он видел в далеком Уругвае. Старый вождь, молодой индеец и женщина с ребенком – вся четверка в позеленевшей от времени бронзе, – вот и все, что осталось от огромного племени, получившего от Всевышнего во владение просторные и плодородные уругвайские пампасы. Эту четверку местный гуманист-губернатор в середине позапрошлого века вывез во Францию, в Париж, где они – в точном соответствии с пословицей – в течение года и умерли. Домой вернули только скелетик младенца.

Ефим показывал мне фотографию памятника, и я был поражен выражением лиц индейцев. Они не были ни напуганными, ни обрадованными, ни обнадеженными. Это были спо-